

Багдасарьян Н. Г. Межкультурные коммуникации или параллельные реальности?

Персонаж философской повести А. И. Б. Стругацких “Улитка на склоне” так говорит о людях: “Я знаю только, что они способны на любые крайности, на самую крайнюю степень тупости и мудрости, жестокости и жалости, ярости и выдержки. У них нет только одного: понимания. Они всегда подменяли понимание какими-нибудь суррогатами - верой, неверием, равнодушием, пренебрежением. Как-то всегда получалось, что это проще всего. Проще поверить, чем понять. Проще разочароваться, чем понять”.

Времена всеобщих опасений негативных последствий глобализации, связанных с возможностью утраты культурной идентичности, и одновременно с этим бушующего некоренного населения Франции и Бельгии, выводят разговор о межкультурных коммуникациях в плоскость определенного риска. Имея в виду замечание Н. Лумана о том, что исторически слово «риск» стало востребованным тогда, когда у людей появилось осознание ответственности за свою деятельность, за принятые решения, подчеркнем чрезвычайно острый характер современного дискурса о межкультурных коммуникациях в ситуации неопределенности и разнообразия социальных угроз.

Немало чернил изведено по поводу культурных последствий глобализации, но картина будущего пока туманна. Несколько больше ясности в сфере финансов, бизнеса, международной политики, т.е. там, где коммуникация более нормирована, формализована, унифицирована, где она как бы вынесена за культурные границы в межкультурное, межстрановое, межнациональное пространство. Культурные особенности представителей бизнеса и политики в значительной степени нивелированы самой целью подобной коммуникации. Несмотря на то, что и здесь прорабатываются различные сценарии будущего, сам факт того, что эти взаимодействия стали предметом публичных дискуссий, создает ощущение большей предсказуемости, а, значит, и большей защищенности населения от возможных опасностей. В конце концов, в этой сфере всегда есть посредники между повседневной жизнью людей и глобальными процессами: правительства, президенты, олигархи и другие представители «верхов», принимающие решения и несущие ответственность за судьбы мира.

Смею заметить, однако, что подчас судьбы человечества и отдельного человека зависят все же не от тех решений, которые принимаются там, «наверху». К тому же эти решения слишком часто неудовлетворительны: и потому, что принимаются в ситуации слабой компетентности и высокой коррумпированности, и потому, что не учитывают интересов «простого» народа, и потому, что их мотивы лежат порой в плоскости сугубо

субъективной. Вот, например, одно из последних предложений: провести эмиграционную амнистию, т.е. зарегистрировать всех, уже въехавших в РФ. «Озвучиваются» формальные причины, в частности, необходимость легализации, что само по себе абсолютно актуально, но реальный мотив заключен, скорее всего, в другом: иммигранты используются в качестве дешевой рабочей силы на стройках, что, очевидно, выгодно строительному бизнесу, да и лично депутатам, отстраивающимся на Рублевке. И это означает, что в принципе правильное решение наверняка не будет подкреплено необходимым комплексом реальных мер, которые обеспечили бы права всех задействованных в этом процессе сторон.

Мирное урегулирование множества кровавых, иногда похожих на гражданские войны, конфликтов требует достижения взаимопонимания на более глубокой, межкультурной основе. Здесь явно недостаточно межправительственных решений и формального признания индивидуальных прав человека. В повседневности современного интеркультурного общества правят бал мифы и стереотипы, формировавшиеся совершенно в другой реальности, в реальности относительно компактного этнического проживания и относительно ограниченных межкультурных контактов, когда культурные диффузии и заимствования практически не фиксировались на протяжении жизни одного поколения.

Занимаясь со студентами типологией культуры, я прошу вербализовать первообразы, возникающие у них в связи с тем или иным «именем»: Франция, Индия, Ближний Восток, Скандинавия и т.п., студенты должны быстро обозначить ассоциации «имени» с образом типа природы, образом типа архитектуры, образом типа человека: внешний облик и характерологические черты и т.п. Этот методический прием нужен для того, чтобы дальше работать с культурными стереотипами. И если облик населения США легко представляется как смешение антропологических типов, то кто же скажет, что столица Франции ассоциируется в сознании чужестранца со смуглыми или черными лицами.

Так и мое первое посещение Парижа в 1983 г. обнаружило определенную нестыковку с реальностью парижской повседневности представлений о городе, сложившихся под воздействием французской литературной и художественной классики, «Праздника...» Эрнста Хемингуэя и мемуаров «Люди, годы, жизнь» Ильи Эренбурга. Выходцы из Северной Африки, мелькавшие в значительном количестве на улицах, в общественном транспорте, и особенно в магазинах «Тати» (причины этого мне стали понятны значительно позже) отнюдь не казались мне органичными на фоне Эйфелевой башни и мельницы Мулен Руж. Однако за последующие двадцать с лишним лет прирост

этой категории жителей Парижа шел с высокой степенью интенсивности, параллельно с подобной динамикой в Берлине, Брюсселе, Москве и многих других крупных городах мира. И всем понятно, что обратной дороги нет. И всем понятно, что структура населения европейских стран и дальше будет изменяться в той же динамике. Так, в сегодняшней Германии проблемы интегрирования в общее государство восточных немцев и выходцев из бывшего СССР, беспокоившие граждан в 90-е годы, явно отступили на второй план по сравнению с проблемами, вызванными турецкой иммиграцией. Заметим попутно, что тогдашнюю конфликтность питал не этнический, не религиозный, а социально-политический и идеологический факторы.

Между тем, и стереотипное массовое сознание, и элитарное теоретическое осмысление не успевают за этими изменениями, которые время от времени накрывают нас, как девятый вал в открытом океане.

Глобализация не привела к созданию «единой мировой культуры», лишь актуализировав один из сюжетов культурологической классики - о локальности и единстве культурной истории. Превращение мира, по образному выражению Маршала Маклюэна, в глобальную деревню, появление коммуникативной сети Интернет как раз в этом-то ничего не меняет: Интернет автоматически не ведет к росту понимания других культур и народов.

В этом аспекте обратим внимание на два свойства сети. Во-первых, требование оперативности, в пользу которой СМИ отказываются от глубоких аналитических материалов, а также невообразимое количество информационного мусора «топят» ту информацию, которая могла бы способствовать взаимопониманию. Во-вторых, новые средства массовой информации не являются теперь массовыми в традиционном понимании, когда ограниченное число сообщений посылается однородной массовой аудитории. Сегментированная, дифференцированная аудитория, огромная по численности, стремится самостоятельно выбирать программы из множества сообщений и источников, очерчивая границы своих сегментов и обогащая индивидуальные отношения между отправителем и получателем информации. Отсюда – высокая эффективность и легкая доступность каналов сети, используемых экстремистскими группировками для пропаганды радикальных позиций, призыва под политическими или религиозными предлогами к насилию, ненависти и террору. Вандальная энергия цветных жителей Парижских предместий, выплеснувшаяся как бы неожиданно осенью 2005 года, заставляет задуматься о том, что сосуществование людей в общем социальном пространстве - тонкая материя. Это «искрение» культурных кодов и языков, фундаментальных (а не заемных) картин мира, ускорение процессов культурной истории,

сплавившей и продолжающей плавить в своем тигле из бесконечного набора культурных образцов неповторимые, уникальные лики культур – все это явно требует социально-философской и культурологической рефлексии.

Каковы культурные последствия глобализации и возможные сценарии мировой динамики?

В массовом общественном сознании уживаются обе, на первый взгляд, противоположных версии динамики культурной глобализации. Одна из них – нивелирование культурных стилей жизни, самобытных традиций вследствие массового распространения одних и тех же, причем американских, культурных образцов – джинсы, Макдональдс, MTV, Windows, Гарри Поттер и т.п. Другая базируется на хантингтоновской идее «столкновения цивилизаций» как следствия попыток самоизоляции от чуждого влияния и гипертрофирования этнического самосознания. Такое впечатление, что эта версия подтверждается активизацией исламского экстремизма и возрастанием разброса точек его приложения по всему миру.

Представляется, однако, что глобальные культурные процессы имеют значительно более сложный характер. Для них совсем не характерны правила «игры в одни ворота с нулевым счетом». Достаточно вспомнить массовое увлечение населения западных стран игой и восточными единоборствами, победное шествие суши и морепродуктов, повальный интерес к фэн-шуй, наконец. Да и с «макдональдизацией» все не так уж прямолинейно: концерт вынужден считаться с традициями местных культур питания. Так, в Израиле есть кошерные гамбургеры, в Индии – вегетарианские. Можно привести и другие примеры: судьбу дубленок и женских сапог, матрешек и пельменей, этнических костюмов, икон и ориентальных мотивов в европейской живописи. Все это принадлежит теперь всему человечеству, а не только народу-изобретателю.

Культурная история, таким образом, свидетельствует о том, что из столкновения с чужим культуры способны творить нечто новое. Гибрид, получающийся в результате столкновения двух типов локальных культур - это момент истины и высвобождения новой формы, нового образа жизни. Локальные культуры, благодаря доступности во всем мире определенных товаров и идей, меняются и вступают между собой в необычные отношения. Параллели между двумя культурными системами выводят нас на границы этих новых форм и выталкивают из привычного существования. Так происходит не только на уровне индивидов, но и на уровне целых обществ. Культура – это не застывшая, окаменелая традиция, которая, кстати, довольно часто оказывается мифом при ближайшем рассмотрении. Культура как процесс, изменяется через сомнения, критическое преодоление нормы. Момент, когда встречаются устоявшиеся культурные

образцы, - это точка бифуркации, порождающая выброс энергии. При этом стереотипное сознание, как мы уже отмечали, яростно сопротивляется новому, и всегда находятся пастыри, способные оформить это сопротивление в идеи, организации и «революционную» деятельность.

Между тем, и новое сознание пробивает себе дорогу. Известные своим патриотизмом французы не могут не болеть за свою футбольную команду, в которой лишь трое белых, да и в составе сборной Германии не только этнические немцы, а в Бундестаге уже несколько последних лет заседает молодая турчанка. Кстати, если первое поколение турецких иммигрантов в Германии жило под девизом: как можно меньше бросаться в глаза, то второе и третье поколения осознанно ищут свое место в германском обществе. Может быть, еще не просто ответить на вопрос, какая тенденция доминирует - интеграция или формирование параллельного общества, но очевидно, что представление о турках в Германии постепенно меняется. В немалой степени это результат политики целенаправленного содействия интеграции турецкого населения, особенно молодежи. Реализуется масштабная программа, направленная на поддержание постоянного диалога между религиями, конфессиями и культурами. В ней задействованы десятки институтов и общественных организаций, таких, например, как Управление по работе за рубежом Ведомства печати и информации федерального правительства, организующего регулярный «Германо-арабский диалог в сфере СМИ», или Дом мировых культур в центре Берлина, работа которого ведется при содействии федерального министерства иностранных дел и Сената Берлина. Организация выставок современного неевропейского искусства, фестивалей кинофильмов из стран Африки и множество встреч, вызывающих жаркие дискуссии – в программе ДМК.

Возвращаясь к сюжету риска, обозначенному в начале статьи, подчеркну мотив ответственности. Ответственности пишущих, выступающих публичных людей, которых слушают сотни тысяч. Высказывания в отечественных СМИ, вроде: «исламские общины – раковая опухоль в организме Франции и Германии», или: «необходима новая, повторная колонизация» вовсе не так уж безобидны. Ничего не будет стоить легализация иммиграции в России, если власти будут делать вид, что нацболы, скинхэды, РНЕ и прочие фашиствующие молодчики – это всего лишь детские забавы, а так называемые политические движения будут продолжать с ними заигрывать. Бездействие, страусовая политика властей, с одной стороны, и организованные теми же властями нелепые молодежные акции, с другой, – лучшая почва для зреющих конфликтов.

Но как преодолеть отчужденность и минимизировать конфликтность? Какие меры должны приниматься на уровне правительств? Как научиться самим и научить других терпимости по отношению к носителям иных культурных образцов в обыденной жизни?

Если бы автор успешно ответил на все эти программные вопросы, он мог вполне претендовать бы на Нобелевскую премию мира. Таких претензий у нас нет, поэтому в рамках данной статьи остановимся лишь на одном сюжете, вызывающем особое профессиональное авторское беспокойство. Это сюжет педагогический.

Информация о культурах должна проходить сквозь все образование – о каком бы уровне, и о каком бы профессиональном срезе ни шла речь. Мир, в котором будут жить и действовать нынешние школьники и студенты, это мир мультикультурный, и поэтому понимание того, как именно культуры определяют логику действий в политической, экономической областях, в повседневной жизни, это залог как личного успеха, так и общей социальной безопасности. Поэтому любой учебный предмет – от истории до математики - должен содержать социокультурный контекст.

Ежегодно миллионы людей по самым разным причинам – политическим, экономическим, профессиональным, семейным – пересекают национальные и культурные границы. Не утомляя читателя цифрами географической мобильности, подчеркну, что эмиграция – это жизненный и актуальный вызов, следовательно, никто не может быть гарантирован от проблемы аккультурации в инокультурной среде. Но даже в том случае, если человек продолжает жить в своей культуре, современный ему мир - это открытая система, это мир, который с помощью электронных средств коммуникации стал доступен практически любому. Сегодняшняя культура – это не культура какой-то местности, а культура времени, интегрирование в нее предполагает владение соответствующими языками, включающими не только лингвистический аспект.

Между тем, реальность, в частности, высшего профессионального образования такова, что те предметы, где эта информация была бы органична и естественна, предметы социально-гуманитарного цикла, и особенно культурология, в связи с реформированием образовательной системы, выдавливаются из учебных программ. А, между прочим, и те люди, в чью компетенцию входит принятие важных для судеб народов решений, тоже сидят в свое время на студенческой скамье.

Таким образом, может быть, к разочарованию тех, кто рассчитывал на рецепты, сделаем вывод: легких и быстрых путей решения актуальной проблемы нет. Однако целенаправленное воспитание и образование, просвещение и разъяснение дадут свои результаты. И вместе с тем, философия и практика диалога, публичное и цивилизованное обсуждение острых проблем, максимально широкое участие людей в формировании

своего социального и политического будущего (в какой бы стране они не находились), социокультурная образованность, взаимная терпимость и ответственность – вот то, что может выстроить мосты взаимопонимания.

И, наконец, об одном, может быть, самом важном критерии цивилизованности государства, понимаемом в современном ключе. Об уровне этой цивилизованности можно судить, прежде всего, по тому, как оно относится к культуре своих меньшинств.